

КНИГА О СЧАСТЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Константин Симонов — человек и писатель счастливой судьбы. Может быть, кому-нибудь и покажется странным это определение в отношении человека, безвременно ушедшего от нас в расцвете творческих сил, в тот звездный свой час, когда перед ним раскрывались новые неисчерпаемые глубины темы всей его жизни — защиты социалистического Отечества от всех и всяческих недругов мира на земле.

Но тем не менее это так: Константин Симонов был человеком счастливым не потому вовсе, что ему будто бы легко жилось и писалось, что успех сам шел в руки. Нет, жилось и работалось ему трудно, и каждый шаг в жизни и творчестве надо было завоевывать ценой безотказного и бескомпромиссного труда и борьбы, а в долгие военные годы и рискуя собственной жизнью.

Истинное счастье Симонова заключалось в том, что он принадлежал к немногим людям, кому удастся со всей полнотой и отдачей творческих сил выразить свое великое время, стать голосом миллионов борцов против фашизма, вместе с ними биться, страдать, выстоять, завоевать победу и рассказать о ее значении и цене новым молодым бойцам, принимающим из рук военного поколения знамя борьбы за коммунизм.

Весь творческий путь Симонова — от первых, еще неуверенных, но уже поисковых стихотворных строк до трехтомного эпоса о Великой Отечественной войне «Живые и мертвые» — предстает перед нами в книге доктора филологических наук Л. Финка как трудный, нервный, но целостный в единстве своей устремленности к каменистому подъему к вершинам реального гуманизма. Это путь, где и победы, и неудачи, а порою и срывы выступают не как цепь случайностей, по воле которых художник идет то прямо на подъем, то опускается и даже возвращаясь вспять, а как непрерывное движение мысли, воли и таланта, ведущее человека через все преграды к твердо намеченной и все более глубоко и ясно осознаваемой цели.

Трудным, порой драматическим, но счастливым и победным предстает перед нами путь Константина Симонова в книге, созданной человеком единого с писателем поколения. Автор не просто хорошо знает и понимает, но и глубоко любит художника, о котором рассказывает читателю.

В своей рецензии на книгу Л. Финка, напечатанной в «Литературной газете», А. Бочаров справедливо отметил, что критик

рисует К. Симонова как художника, выражающего эстетический идеал своего поколения, на плечи которого легла основная тяжесть защиты Родины и, в конечном счете, всего мира от фашизма. И это верно: Л. Финк даже уточняет — поколения людей, родившихся во второе десятилетие нашего века, первым формировавшегося целиком в условиях социализма, хотя, с нашей точки зрения, это, может быть, в известной мере сужает границы поэтического влияния Симонова. Как человек, родившийся в первом десятилетии двадцатого века, могу засвидетельствовать, что К. Симонов был голосом и моих сверстников, и наших детей, успешных пройдох сквозь огонь Великой Отечественной, шагнувших в него прямо со школьной скамьи. В книге Л. Финка идейно-нравственная характеристика людей симоновского поколения, уходившего на войну, уже обладая цельностью мировоззрения и навыками социалистического бытия, но еще не созревшего духовно и закалку своих сил на войне, точна во всей своей глубине и многогранности. Действительно, в творчестве К. Симонова (и не только в его военных стихах) «перед нами разворачивается единый характер, и это характер именно того человека, который выстоял в первых боях с фашизмом, а потом разгромил врага». Из этого тезиса и вытекает положение критика, которое ложится в основу идейно-художественной концепции творческого пути писателя.

«У поэта Симонова была своя тема, которая отражала самые решающие события и в его личной жизни, и в жизни мира; был свой герой, отражавший формирование нового, социалистического человека; была своя читательская аудитория, правда, подчас расширявшаяся до всего сразующегося народа. Был найден Симоновым и свой поэтический строй, основанный на слитности внешне противоречивых стилистических признаков: агитационности и задушевности, традиционных ритмов и неожиданного вторжения прозаизмов, экспрессивности изображения конкретного предмета и символической обобщенности мышления».

Под этим углом зрения, в единстве идейно-эстетического анализа и рассматривает Л. Финк три основных этапа развития творчества писателя в трех больших главах, которые называет частями: «Начало пути», «Годы испытаний» и «Эпос войны». В последней главе повествуется о зрелом периоде творчества Симонова-прозаика, уже прошедшего восхождение от юношеских опытов к художественным открытиям человека и народа — воина-гуманиста, героя справедливой войны, решившей судьбы мира на многие годы вперед.

В этой главе критик еще и еще раз скажет о такой особенности симоновского таланта, как «способность улавливать перемены в общественных настроениях и потребностях, точное ощущение конфликтов своего времени и их отражения во внутреннем мире людей», видя в этом «очевидное доказательство близости Симонова к духовной жизни своего поколения, и даже шире — к народной жизни».

Эта глава содержит глубоко эшелонированную творческую историю «главной книги» ушедшего от нас писателя — трехтомной эпопеи «Живые и мертвые», в которой он сумел достигнуть счастливой способности «чувствовали эпохи». Не только знать, какими заботами, тревогами и радостями живут его современники сегодня, но и предвидеть дальнейшее развитие их социальной и духовно-нравственной жизни на годы вперед.

Л. Финк пишет здесь о том, как тема доверия к человеку постепенно выдвигается у Симонова на первый план, становясь частью «более широкого и исторически важного понятия — веры в человека, в его возможности переустроить общество на новых, единственно справедливых социалистических основаниях».

Именно здесь, в этой главе, вся философская и идейно-эстетическая основа, которая (как, впрочем, и во всей книге) построена на тщательном анализе конкретных произведений писателя, рассматриваемых с партийных позиций в неразрывном единстве активной социальной мысли и ее художественного воплощения, в широком творческом сопоставлении с явлениями и фактами жизни и литературы, в исследовании обильнейшего материала искусства и действительности. Критик декларирует свою верность историзму как «основному композиционному принципу данного исследования, когда каждое значительное произведение Симонова рассматривается как ступенька его творческого пути, как стадия его писательского становления».

Не каждому художнику приходится еще при жизни воочию увидеть в книге о себе весь свой путь ярко освещенным в совокупности всех его этапов и поворотов, в многообразном единстве мысли и чувства. Увидеть, почувствовать и сказать себе, что жил и творил честно, отдал народу все, что имел, а следовательно, прожил не зря и совесть его — человека, поэта и гражданина — чиста и спокойна.

И эта, как оказалось, последняя при жизни Константина Си-

монова писательская удача тоже пришла к нему не только потому, что встретился на его дороге талантливый, влюбленный в его творчество критик. Сам Константин Михайлович, ознакомившись с работой Финка, уточнил продиктованные истинной любовью к объекту своего изображения некоторые, представившиеся ему завышенными, оценки, и правда творческого пути писателя оказалась еще убедительнее и живее, а образ приобрел изящную законченность.

«Урок нравственной требовательности» — так озаглавлено опубликованное (уже после кончины Константина Михайловича) его письмо критику Л. Финку («требовательности к самому себе» — хочется мне добавить). В этом письме, поблагодарив критику за его большую исследовательскую работу, за «фундаментальное внимание» к своим трудам, К. М. Симонов, заметив, например, что критик «отдал некоторую дань увлечению материалом, слабо исследованным» до него, пишет: «...на фоне времени, поэзии того времени — мои первые шаги в ней не стоят внимания, которое Вы им оказали». А дальше возражает против «превосходных степеней» в оценках своего стихотворения «Кукла» и образа Серпилина, хотя считает их «в разное время, в разных масштабах своими удачами как писателя».

Возражает Симонов и против того, что критик назвал его человеком «большой личной храбрости». «Думаю, что человеком долга, в общем, был, как правило, но не сверх того». Возражал он и против того места в рукописи, где говорилось, что К. Симонов не создал и, наверное, не мог создать эпического характера, равного Василию Теркину, но и А. Твардовский не написал и, наверное, не мог написать такие шедевры публицистической лирики, как «Убей его» и «Жди меня...».

«Что я не создал и не мог создать характера такого, как Василий Теркин, совершенно очевидно. Насчет же шедевров в публицистической лирике, то лично для меня непревзойденным шедевром такой именно лирики являются стихи «Я убил под Ржевом», принадлежащие Твардовскому».

Чистый и целостный образ труженика и борца, поистине счастливый в своих трудах и свершениях художника, человека и гражданина встает перед нами со страниц книги Л. Финка, говорящего о нем всю без прикрас правду и тем самым делающего писателя навечно близким нам и живым.